

Иван Гаустов

ЛИС И БАРСУК

Вблизи моей палатки, разбитой на опушке леса, темнел овраг. На самом высоком обрывистом склоне его было две норы. Одна выше, другая ниже, точно этажи дома. Глина у нор плотно утоптана. Местами виднелись отпечатки когтистых лап. Рядом с норами — плоский треугольный выступ, покрытый травинками. На высоких стебельках цикория развивались пучечки серой и рыжей шерсти.

— Интересно, кто здесь проживает? — гадал я.

Прошло несколько дней, и я увидел хозяев нор. Это были старики: лис и барсук. Лис занимал верхнюю нору, барсук — нижнюю. Такое соседство мне показалось удивительным и вот почему: лис, как и все его родичи, разводит в своем жилище грязь несусветную. Барсук — наоборот — чистюля, примерный хозяин, любитель тишины, уюта, спокойствия, уединения. Если случается, лисы нахально занимают часть барсучьей норы, иногда всю нору. В первом случае барсук крепко-накрепко отгораживается от неряхи лисы. Во-втором — роет себе новое подземелье. А тут совсем обратное! Всякий день, когда было тепло и сухо, из нор показывались жильцы. Первым — лис, вторым барсук. Добирались до травянистого выступа и устраивались на отдых. То подставят солнышку спину, то брюшко. Лис, казалось, ничем не интересовался — блаженствовал. Барсук, покрхтывая, иногда поднимал голову, прислушивался к лесным звукам. Усаживался поудобнее, следил за пролетающими насекомыми, за юркими ящерицами. Нередко погружался в дремоту или в раздумье и, наверное, предавался воспоминаниям. В такие минуты глаза барсука выражали неодолимую тоску.

Вечером, когда лес наполнялся приятной прохладой, приятели семенили к лесу, на ужин. Лис впереди, медлительный барсук — позади. Разумеется, у каждого из них было свое излюбленное меню. Для лиса — полевка, мышь, молодой зайчонок, зазевавшаяся птица. Для барсука — черви, слизи, жуки, в виде деликатеса — мед диких пчел, шмелей, но эти блюда в прошлом. Теперь старикам приходилось довольствоваться корешками растений, личинками, улитками, ягодами. На больных лапах за зайцами, ящерицей — не угонишься.

Случилось так, что я на некоторое время оставил свою палатку, отлучился. Когда возвратился — нашел у своих соседей грустные перемены. Барсук заболел, не выходил из норы. Опечаленный лис подолгу топтался у его норы, заглядывал вглубь. Повизгивал, скулил. Не дождавшись ответа, в одиночку укладывался на отдых. В одиночку вечером ковылял в лес за едой. Мне казалось, что иногда лис приносил кое-что из еды больному другу. Просовывал морду в нору, оставлял там еду и призывно, ласково лаял. Пользовался ли больной барсук услугами лиса — мне не удалось проследить.

А однажды днем меня всполошил надрывный вой старого лиса.

Я вышел из палатки. Вижу: лис сидит у норы соседа. Я догадался — барсук окончил свою тихую, недолгую жизнь. (Барсуки живут немногим более 10 лет.) Оплакивал лис барсука долго. Вечером он, убитый горем, понурив голову, опустив хвост, скрылся в темном молчаливом лесу. С этого печального дня я больше никогда не видел лиса.

Вскоре я покинул опушку леса. За городскими хлопотами позабыл о барсуке и лисе. Но глубокой осенью мне довелось встретить в городе лесника того квартала, где я проживал в палатке. Лесник сказал мне:

— Ваш приятель — лис — жив еще. Выкопать нору не в силах, занять чужую — тоже. Ложится спать, где застанет усталость. Одним словом: жизнь одинокая, старость бесприютная...

Мы с лесником, тоже старики, невольно умолкли, задумались. Прощаясь, лесник сказал:

— В такие годы тяжело друга потерять.